

УДК 363.637

Елена Григорьевна Дьякова

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: gf-urfo@bk.ru

**«ГЛОБАЛЬНОЕ» VERSUS «НАЦИОНАЛЬНОЕ»:
ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ КИТАЙСКОЙ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ¹**

В статье рассмотрена проблема взаимодействия глобальных управленческих трендов и национальной управленческой традиции при переходе к электронному правительству в Китае. Выбор Китая несмотря на невысокие позиции в рейтинге развития электронного правительства ООН (78-е место в 2012 г.) был обусловлен тем, что эта страна в настоящее время выступает образцом как постсоциалистического, так и постколониального устойчивого развития. Электронное правительство рассматривается в Китае как инструмент контроля вышестоящих властей над нижестоящими, а также как инструмент дополнительного контроля снизу через подачу гражданами жалоб и обращений. Выстраиваемая в КНР система носит вполне логичный характер и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти. Модные управленческие тренды включаются в уже имеющуюся систему управленческих приоритетов, направленных на поддержание устойчивого экономического развития и политической стабильности. Китайский опыт перехода к электронному правительству показывает, с одной стороны, важность изучения социальных и культурных контекстов, в которых он осуществляется, с другой – необходимость учитывать глобальный характер реформ (и соответствующей риторики), формирующих «экологическую среду» (Т. Кристенсен), в которой принимаются решения.

Ключевые слова: электронное правительство, административная реформа, управленческая традиция, кросс-культурное генерализованное заимствование.

В современных теориях информационного общества общим местом является тезис о том, что власть в таком обществе перемещается с национального уровня одновременно на глобальный и локальный уровни. О кризисе национального государства пишут уже несколько десятков лет начиная с работы А. Аппадурай [11]. Однако, по справедливому замечанию М. Кастельса, это не означает, что национальные государства исчезают: они трансформируются, чтобы приспособиться к новому контексту [14, с. 39].

Одним из направлений такой трансформации стал переход к электронному правительству (e-government), то есть к внедрению в государ-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН 12-У-6-1004 «Электронное правительство как объект теоретического моделирования».

ственное управление информационных технологий как для взаимодействия между сотрудниками органов власти (такое взаимодействие обозначается аббревиатурой «G2G», – «Government-to-Government»), а также с бизнесом (G2B, «Government-to-Business») и гражданами (G2C, «Government-to-Citizens»).

Переход к электронному взаимодействию рассматривается как глобальная интернациональная реформа [8]. Он основан на неявном предположении, что органы государственного управления во всем мире независимо от характера существующего политического режима и специфики административной культуры сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем, и поэтому нуждаются примерно в одинаковых средствах для их решения.

Глобальная концепция «электронного правительства» операционализируется через систему международных рейтингов. В 2001 г. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) приступил к мониторингу готовности стран мира к электронному правительству. С 2008 г. речь идет о мониторинге развития электронного правительства, поскольку большинство стран мира перешли от подготовительной стадии к оказанию электронных услуг и другим формам взаимодействия с гражданами в электронном виде.

Разумеется, это не единственный мониторинг электронного правительства: свои рейтинги регулярно публикуют японский Университет Васэда, Таубмановский центр публичной политики Университета Браун (США), консалтинговые фирмы Accenture и Capgemini (обзоры развития электронного правительства в Европейском Союзе). Постоянно занимается сравнительным анализом перехода к электронному правительству в разных странах мира Организация по экономическому развитию и сотрудничеству (OECD). Однако мониторинг UN DESA по праву считается самым влиятельным. Именно рейтинги ООН выступают в качестве основных ориентиров при разработке национальных стратегий к электронному правительству, именно на них принято ссылаться при оценке эффективности данных стратегий.

Сам факт существования рейтингов ООН на международном уровне приводит к тому, что на национальном уровне формирование электронного правительства осуществляется именно по тем показателям, которые в них учитываются. Ориентируясь на данные показатели органы власти соответствующей страны могут обеспечить себе повышение места в рейтинге. Национальная бюрократия вполне успешно подстраивается под требования международных экспертов, вступая с ними в своеобразные симбиотические отношения. Иными словами, в силу логики бюрократической отчетности существует и развивается именно то, что замеряется международными рейтингами.

Наличие рейтингов скрывает важнейшую особенность перехода к электронному правительству как глобальной реформы: его интерпретативную гибкость. Такая гибкость – характерная особенность технологиче-

ски ориентированных реформ, исходящих из того, что существуют единые решения общих для всех проблем. Поскольку проблемы на деле очень разные, участники реформ отбирают только те элементы, которые их по тем или иным причинам устраивают, или используют реформаторскую риторику для принятия решений, имеющих к первоначальным идеям весьма мало отношения.

Данная проблематика подробно исследована в так называемой теории «модного менеджмента» («management fashion theory») на основе изучения организационных реформ в крупных корпорациях. Основатель данной теории Э. Абрахамсон определил «модные реформы» как распространяемую тренд-сеттерами преходящую коллективную веру в то, что «та или иная технология приведет к рациональному прогрессу в управлении» [10, с. 257]. Несколько позже Дж. Бендерс и К. ван Веен показали, что за «коллективной верой» скрывается борьба между участниками реформ за право определить их концепцию. В процессе этой борьбы осуществляется избирательная адаптация отдельных элементов предлагаемой реформы, причем возможна ситуация, когда между словами и действиями не будет вообще никакой связи [13].

Поэтому из того факта, что национальная бюрократия готовит «правильные отчеты» для международных организаций, отнюдь не следует, что она слепо доверяет, или вообще не доверяет их рекомендациям. Наоборот, переход к электронному правительству отличается ярко выраженной национальной спецификой, которая определяет цели этого перехода и следовательно набор конкретных решений, которые рассматриваются как приемлемые и потенциально эффективные.

Противоречия глобального и национального особенно ярко проявляются в странах с собственной сложившейся управленческой традицией. В качестве примера такой страны мы рассмотрим Китай. Выбор Китая несмотря на невысокие позиции в рейтинге развития электронного правительства UN DESA (78-е место в 2012 г. – [23]) обусловлен тем, что эта страна в настоящее время выступает образцом как постсоциалистического, так и постколониального устойчивого развития, а китайские формы и методы модернизации вызывают большой интерес во всем мире.

Вопрос о том, в какой мере глобальные управленческие тренды влияют на решения, принимаемые китайской элитой, является остро дискуссионным. Процесс модернизации системы государственного управления Китая, который осуществляется последние тридцать лет, чаще всего рассматривается как результат воздействия внутренних причин, связанных с необходимостью привести эту систему в соответствие с требованиями рыночной экономики. Вопрос о влиянии на китайские административные практики глобальных трендов и так называемых «модных реформ», как правило, не поднимается, хотя М. Чжан и Дж. Строссман еще в 2003 г. показали наличие многочисленных параллелей и сходств (наряду с безусловными различиями), между процессами, проходящими в Китае и в остальном мире [27]. Однако доминирующая точка зрения состоит в том,

что в силу исторической специфики управленческой традиции, сложности задач, связанных с переходом к рыночной экономике, а также особенностей маоистского наследия, административное развитие в Китае подчиняется своей собственной логике, имеющей мало общего с общемировой.

Ряд исследователей придерживаются крайних позиций, отрицая саму возможность реального (а не декоративного и показного) заимствования западных административных практик как культурно несовместимых с китайской традицией. Сторонником такой позиции был крупнейший отечественный китаевед Л.С. Васильев [2]. Сравнительно недавно развернутое исследование, исходящее из данных предпосылок, осуществил Д.С. Воропаев. По мнению данного автора, модернизация управления в Китае ограничивается симулятивным дискурсом, не затрагивая основ конфуцианской по своей сути системы. В основе этого вывода лежит лингвистический детерминизм: автор утверждает, что «символический характер письменности обуславливает командное место политики в обществе и форму государства» [3, с. 20], поскольку письменная, директивная коммуникация могла поддерживаться только унитарной административно-бюрократической машиной. Иными словами, контроль над каналами трансляции смыслов в обществе являлся (и продолжает являться) ключевым ресурсом властной машины, а его утрата чревата возможностью внезапного низложения политического режима.

Китайская модернизация, по мнению Д.С. Воропаева, обусловлена историческим вызовом «коллективной потери лица», ограничивается мерами, способствующими увеличению «совокупной мощи» государства, и совершается на собственной цивилизационной основе посредством конкретно-символического мышления в соответствии с формулой Дэн Сяопина: «переходить реку, ощупывая камни» [3, с. 12]. Единственным способом перейти к более глубокой модернизации автор считает реформу письменности с использованием японского опыта – через обогащение иероглифики фонетическим письмом. Позицию Д.С. Воропаева, основанную на убеждении в уникальной устойчивости китайских управленческих традиций, разделяют и некоторые зарубежные авторы [20; 21].

Данная позиция исходит из представления о том, что китайское государство вообще не способно к развитию и существует в раз и навсегда данных формах (хотя, как показал А.А. Бокшанин, это государство постоянно эволюционировало в течение всей имперской эпохи [1]).

Кроме того, сторонники представления о принципиальной неизменяемости китайской системы государственного управления по сути игнорируют тот факт, что авторитарная модернизация в странах Юго-Восточной Азии (вне зависимости от того, пользуются ли они иероглифами, как в Китае, или алфавитной письменностью, как в Южной Корее и Вьетнаме) основывалась на сознательном заимствовании зарубежных (западных и советских) управленческих моделей. В XX в., по замечанию А.Н. Ланькова, сторонники построения «государства как в СССР», отчаянно боролись со сторонниками построения «государства как в США»:

«Именно эти две страны служили образцами, с которых ... копировались и политические, и экономические институты, – хотя когда их скопировали, они сразу же начали меняться» [5].

На таком же творческом копировании была основана первая успешная дальневосточная модернизация – японская Реставрация Мэйдзи (1859–1912). Как показано в исследовании Э. Вестни [23], в эпоху Мэйдзи заимствование западных моделей предполагало значительную долю инноваций, причем отход от исходного образца мог быть как сознательным, так и ненамеренным. Безусловно, важную роль играла культурная совместимость, однако следовало учитывать высокий мировой престиж определенных административных решений (так, японская почта строилась по образцу британской, а армия – по образцу немецкой), которые сами по себе выступали в качестве символов успешной модернизации. В целом, по мнению Э. Вестни, в процессе реформирования использовались скорее общие принципы и направления соответствующей управленческой модели, чем какая-либо конкретная ее форма, внедренная на Западе. Иными словами, имело место кросс-культурные генерализованные заимствования.

В Китае заимствования по ряду причин начались позднее. В результате весь XX в. сменявшие друг друга китайские правительства стремились максимально использовать зарубежный опыт для решения проблем преодоления отсталости. Как известно, Синьхайская революция (1911) знаменовала радикальный разрыв с многовековой управленческой традицией, что выразилось не только в переходе от монархии к республике, но и в отказе от системы государственных экзаменов и использования в управлении вэньяня. Говоря о маоистском наследии, не следует забывать, что после 1949 г. в Китае была воспроизведена советская система партийно-государственного управления, со всеми ее подробно описанными в соответствующей литературе достоинствами и недостатками [16]. Как показал А.В. Лукин, председатель Мао «не только не восстанавливал традиционную китайскую империю, но и боролся с ней, считая, что его соратники-традиционалисты как только он отходит от дел, восстанавливают традиционную бюрократическую структуру» (с чем он пытался бороться «гневом народных масс» во времена «культурной революции» [6]).

Описанный Т. Кристенсенем, Д. Лишэнем и М. Пейнтером процесс модернизации пост-маоистского Китая, направленный на переход от административного контроля к макрорегулированию экономики и сопровождавшийся попытками сокращения государственного аппарата (под лозунгом «маленькое государство, большое общество») [15], вполне можно проанализировать и по-другому, с точки зрения отхода от советской управленческой традиции в пользу генерализованных западных моделей.

К сожалению, специалисты-синологи, особенно занимающиеся современным Китаем, зачастую плохо представляют себе особенности советской системы и склонны видеть китайскую специфику там, где проявляет себя советская. Так, к удивлению западных исследователей в Китае

для описания процессов внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общества используется не стандартный термин «компьютеризация», а термин «информатизация», заимствованный из советского административного лексикона.

Однако в настоящее время в китаеведении наблюдается отход от лингвистического детерминизма в пользу институционального, утверждающего, что китайская модернизация означает разрыв с традицией и заимствование зарубежных управленческих практик. Например, Б.Н. Кузык и М.Л. Титаренко подчеркивают, что установка реформаторов на приоритет экономики означает отход от тысячелетней конфуцианской традиции пренебрежения коммерцией как низкой сферой человеческой деятельности. Они особо отмечают ту роль, которую в трансформации традиционной управленческой модели играют информационно-коммуникационные технологии. Они «не только создают возможности для существенной оптимизации функционирования государственного аппарата, для создания так называемого электронного правительства, но и закладывает совершенно новую основу для формирования гражданского общества в Китае» [4, с. 50]. Аналогичной точки зрения придерживается В.В. Тельбизов, подробно рассмотревший стратегию модернизации политической системы КНР в 1989–2003 гг. [7].

Если посмотреть, как оценивают административные реформы сами китайские исследователи, то выяснится, что, по их мнению, для этих реформ характерен синтез китайской и западной управленческой моделей: «все преобразования осуществляются на путях социализма с китайской спецификой, а если заимствования из западной модели реформирования и происходят, то только с учетом накопленного опыта и учета конкретной ситуации» [9, с. 47]. При этом допускается сосуществование старых и новых структур управления, чтобы не нарушать взаимосвязей внутри системы. Главной целью реформирования объявляется «служение развитию экономики, а вместе с ней – богатству и процветанию всего общества» [9, с. 49].

Переход к электронному правительству, то есть внедрение в государственное управление информационных технологий, можно рассматривать как очередное «генерализованное заимствование», предполагающее наличие у китайских властей собственных приоритетов и интересов.

Впервые на важность информатизации для модернизации государственного управления указал Дэн Сяо-пин еще в 1984 г. В 1992 г. в КНР приступили к созданию автоматизированных систем управления (еще один советский термин) в органах власти. В 1997 г. были сформулированы 24 основных направления китайской информатизации, включающие планирование, государственное доминирование, единые стандарты, единую архитектуру, связи между органами власти, объединение ресурсов и др.

В итоге целой серии административных перестроек к 1998 г. было создано Министерство информационной промышленности, и с января 1999 г. стал реализовываться проект «Правительство он-лайн» – первый официальный проект в сфере электронного правительства в Китае. Он был

направлен на создание электронных баз данных и облегчение доступа к ним представителей бизнеса и граждан.

В 2002 г. был опубликован Декрет № 17 Аппарата Государственного Совета КНР, в котором были изложены руководящие принципы формирования электронного правительства. В Декрете определена необходимость формирования доступной для граждан базы административной информации и ускорение предоставления такой информации путем создания веб-сайтов и системы электронных сервисов. Однако более важной задачей было названо улучшение системы административного контроля и предоставления бизнес-услуг (так называемые «золотые проекты»: «Золотые налоги», «Золотая таможня», «Золотой финансовый надзор» и т.п.). В связи с принятием Декрета № 17 было разъяснено, что «посредством электронного правительства появится возможность «упорядочить функции и зоны ответственности, четко распределить функции между различными подразделениями», а также улучшить взаимодействие между подразделениями, включая обмен информацией, и таким образом обеспечить граждан эффективными и честными услугами. При этом особо подчеркивалось, что переход к электронному правительству предполагает поддержание стабильности, то есть поиск баланса между открытостью и безопасностью [22, с. 15-16]. Размещение он-лайн информации о деятельности региональных органов власти рассматривалось как важный инструмент контроля со стороны вышестоящих органов. Кроме того, в рамках электронного правительства поощрялось создание систем обратной связи, позволяющих гражданам жаловаться на местные власти (еще один инструмент контроля).

Приоритетом при формировании электронного правительства оказались контрольные функции в связи с тем, что в процессе административных реформ 1980–1990-х гг. для того, чтобы способствовать экономическому росту, значительная часть полномочий была передана местным властям. В результате они обрели немалую независимость. Более того, как отмечают Титаренко и Кузык, «для центра становилось все более затруднительным получение систематической и достоверной информации о положении в регионах» [4, с. 52]. Ситуация усугублялась усиливающимся разрывом между западными (приморскими) регионами, превратившимся в «мировую фабрику», и восточными (внутренними) территориями, практически не затронутыми глобализацией. Конечно, согласование интересов центра и регионов – это политический, а не административный процесс, однако электронное правительство рассматривается как новый и эффективный инструмент контроля за региональными элитами сверху.

К.Т. Лю довольно подробно описал ожидания, связанные с электронным правительством. Оно «позволит повысить административную эффективность, поскольку государственные служащие получат возможность контролировать ежедневные операции и поддерживать требуемый уровень подотчетности, основываясь на функциях, обеспечиваемых новой технологий» [18, с. 89]. Кроме того, предполагалось, что переход к электронному правительству обеспечит более надежную коммуникацию меж-

ду центральным правительством и региональными органами власти, чтобы прояснить суть новых политических задач и программ, а также своевременно выявлять социальные проблемы. Руководители из бедных восточных регионов получают доступ к новым идеям и опыту богатых западных регионов, а также смогут рассчитывать на поддержку их руководителей при реализации своих проектов.

Аналогичным образом ожидания, связанные с электронным правительством, были описаны в более ранней работе М. Лянджи, Дж. Чуня и С. Торсона. Они также указали на то, что реформа в первую очередь направлена не на улучшение качества государственных услуг, повышение прозрачности и подотчетности (что является целью внедрения электронного правительства в США) и на усиление контроля со стороны центральной власти за региональными властями путем организации постоянного надзора и мониторинга, а в конечном счете – на поддержание устойчивого экономического развития [17, с. 24].

В настоящее время электронное правительство рассматривается в Китае не только как инструмент контроля сверху, но и как инструмент дополнительного контроля снизу, через подачу гражданами жалоб и обращений. Поощрение консультационной демократии на муниципальном уровне представляет собой особую китайскую версию «открытого правительства». Идеологической основой для него служит левое неоконфуцианство, развивающее традиционную идею обязанности [просвещенных] поданных открыто критиковать власть, если она уклоняется от правильного пути [12].

Та же тенденция – внедрять прежде всего дисциплинирующие аспекты административных технологий – характерна и для заимствования китайскими властями так называемого принципа «супер-департаментов». Как показали уже упоминавшиеся Т. Кристенсен, Д. Лишэнь и М. Пейнтер [19], в ходе реформы власти эффективно использовали западную управленческую риторику для того, чтобы осуществить легитимацию очередного этапа бюрократической централизации (с сильным элементом идеализации предлагаемого решения с целью повысить его привлекательность для граждан).

В целом выстраиваемая в КНР система носит вполне логичный характер и соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти (конфуцианство предполагает очень небольшую дистанцию власти). Напомним, что параллельно в стране была сформирована достаточно эффективная система контроля за Интернетом, включая как технические средства защиты (так называемые «Great Firewall of China»), так и цензуру сайтов. Использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности с ориентацией на «порядок, а не демократические идеалы, технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), управляемость, а не тип режима» [26, с. 311].

Примерно об этом говорится и в Отчете Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН 2012 г., где отмечено, что китай-

ское правительство «предпринимает меры, чтобы повысить качество официального портала путем предоставления всесторонней информации, интегрированных услуг, объединяющих разные сектора и взаимодействия между органами власти и гражданами» [23, с. 25]. Подчеркивается также стремление Китая развивать открытое правительство, то есть обеспечивать доступ граждан к информации, накопленной органами власти в процессе своей деятельности.

Китайский опыт перехода к электронному правительству показывает, с одной стороны, важность изучения социальных и культурных контекстов, в которых он осуществляется, а с другой – необходимость учитывать глобальный характер реформ (и соответствующей риторики), формирующих «экологическую среду» (Т. Кристенсен), в которой принимаются решения. Что касается эффективности электронного правительства в Китае, то можно согласиться с мыслью М.Л. Титаренко и Б.Н. Кузика о том, что «объективная обоснованность восприятия успехов современных китайских реформ как нового этапа расцвета национальной культуры будет видна лишь через сравнительно длительный промежуток времени» [4, с. 395].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бокщанин А.А. Очерк истории государственных институтов Китайской империи // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М. : Наука, Вост. лит., 1993. С. 273-333.
2. Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиция и современность. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. С. 52-82.
3. Воропаев Д.С. Социокультурные основания китайской модели политической модернизации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : Моск. гос. ун-т, 2012. 27 с.
4. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: Стратегия саморазвития. М. : Рос. акад. наук, 2006. 656 с.
5. Ланьков А.Н. Модернизация в Восточной Азии [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2010. 4 февр. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (дата обращения: 25.06.2013).
6. Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнит. политология. 2011. № 1(3). С. 3-18.
7. Тельбизов В.В. Стратегия модернизации политической системы КНР: идеология и основные направления, 1989–2003 гг. : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : Моск. гос. ун-т, 2009. 30 с.
8. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2012. Вып. 12. С. 253-269.
9. Чуньянь В. Этапы и содержание трансформации аппарата государственной власти Китая // Изв. Урал. гос. ун-та. 2010. № 2(77). С. 38-49.
10. Abrahamson E. Management Fashion // Academy of Management Review. 1996. Vol. 21, № 1. P. 254-85.
11. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1996. 248 p.
12. Bell D.A. Reconciling Socialism and Confucianism? : Reviving Tradition in China // Dissent. 2010. Vol. 57, № 1. P. 91-99.
13. Benders J., Van Veen K. What's is in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions // Organization. 2001. Vol. 8, № 1. P. 33-53.
14. Castells M. Communication Power. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 571 p.

15. *Christensen T., Lisheng D., Painter M.* Administrative Reform in China's Central Government – How Much “Learning from the West”? // *International Review of Administrative Sciences*. 2008. Vol. 74 (3). P. 351-371.
16. *Levin M.* Bureaucracy and the Stalinist State // *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. P. 53-74.
17. *Lianjie M., Lianjie M., Chung J., Thorson S.* E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform // *Government Information Quarterly*. 2005. Vol. 22. P. 20-37.
18. *Liou K.T.* E-Government Development and China's Administrative Reform // *International Journal of Public Administration*. 2007. Vol. 31 (1). P. 76-95.
19. *Lisheng D., Lisheng D., Christensen T., Painter M.* A Case Study of China's Administrative Reform: The Importation of Super-Departmen // *The American Review of Public Administration*. 2010. Vol. 40, № 2. P. 170-178.
20. *Pye L.W.* The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1992. 288 p.
21. *Schwartz B.I.* The World of Thought in Ancient China. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1985. 490 p.
22. *Seifert J.W., Chung J.* Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China // *Social Science Computer Review*. 2009. Vol. 27, № 1. P. 3-23.
23. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People [Электронный ресурс]. UN, 2012. 160 p. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 25.06.2013).
24. *Westney D.E.* Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns in Meiji Japan. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2000. 268 p.
25. *Wu J., Ma L., Yang Y.* Innovation in the Chinese Public Sector: Typology and Distribution // *Public Administration*. 2012. P. 1-19.
26. *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, CA : Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.
27. *Zhang M., Straussman J.* Chinese Administrative Reforms with British, American and Japanese Characteristics? // *Public Administration and Policy*. 2003. Vol. 12, № 2. P. 143-179.

Материал поступил в редколлегию 29.06.2013 г.

Elena G. Dyakova, Doctor of Political Science, leading researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: gf-urfo@bk.ru

GLOBAL VERSUS NATIONAL: E-GOVERNMENT AS ELEMENT OF CHINESE ADMINISTRATIVE REFORM

Abstract: The article discusses the problem of interaction between global administrative trends and national administrative cultural tradition during the e-government transition in China. Selection of China, despite its low position in the UN e-government ranking (78 in 2012) is made due to the fact that today the country is seen as the model of post-socialist and post-colonial sustainable development. E-government is seen in China as an instrument of control over subordinate authorities, as well as an additional instrument of control from below through the citizen's appeals. PRC system is quite logical in nature and corresponds to the Chinese administrative tradition of strong state with low level of alienation of citizens from the government. Popular management trends are included into the existing system of management priorities aimed on supporting sustainable economic development and political stability. China's experience of e-government

transition shows, on the one hand, the importance of studying the social and cultural contexts, in which it takes place; on the other hand, it shows the need to take into account the global nature of reforms (and the corresponding rhetoric).

Keywords: e-government, administrative reform, administrative cultural traditions, cross-societal organizational emulation.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Bokshhanin A.A.* Oчерk istorii gosudarstvennyh institutov Kitajskoj imperii // Fenomen vostochnogo despotizma. Struktura upravljenija i vlasti. M. : Nauka, Vost. lit., 1993. S. 273-333.
2. *Vasil'ev L.S.* Nekotorye osobennosti sistemy myshlenija, povedenija i psihologii v tradicijonnom Kitae // Kitaj: tradicija i sovremennost'. M. : Nauka, Gl. red. vost. lit., 1976. S. 52-82.
3. *Voropaev D.S.* Sociokul'turnye osnovanija kitajskoj modeli politicheskoj moder-nizacii : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M. : Mosk. gos. un-t, 2012. 27 s.
4. *Kuzyk B.N., Titarenko M.L.* Kitaj – Rossija 2050: Strategija samorazvitija. M. : Ros. akad. nauk, 2006. 656 s.
5. *Lan'kov A.N.* Modernizacija v Vostochnoj Azii [Jelektronnyj resurs] // Polit.ru. 2010. 4 fevr. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (data obrashhenija: 25.06.2013).
6. *Lukin A.V.* O nekotoryh problemah sravnitel'nyh issledovanij politicheskikh sistem KNR i SSSR // Sravnit. politologija. 2011. № 1 (3). S. 3-18.
7. *Tel'bizov V.V.* Strategija modernizacii politicheskoj sistemy KNR: ideologija i osnovnye napravlenija, 1989–2003 gg. : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M. : Mosk. gos. un-t, 2009. 30 s.
8. *Trahtenberg A.D.* Jelektronnoe pravitel'stvo: sostoitsja li «izobrenenie gosudarstva zanovo»? // Nauchnyj ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija Ros. akad. nauk. 2012. Vyp. 12. S. 253-269.
9. *Chun'jan' V.* Jetapy i sodержanie transformacii apparata gosudarstvennoj vlasti Kitaja // Izv. Ural. gos. un-ta. 2010. № 2 (77). S. 38-49.
10. *Abrahamson E.* Management Fashion // Academy of Management Review. 1996. Vol. 21, № 1. P. 254-85.
11. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1996. 248 p.
12. *Bell D.A.* Reconciling Socialism and Confucianism?: Reviving Tradition in China // Dis-sent. 2010. Vol. 57, № 1. P. 91-99.
13. *Benders J., Van Veen K.* What's in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions // Organization. 2001. Vol. 8, № 1. P. 33-53.
14. *Castells M.* Communication Power. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 571 p.
15. *Christensen T., Lisheng D., Painter M.* Administrative Reform in China's Central Government – How Much “Learning from the West”? // International Review of Administrative Sciences. 2008. Vol. 74 (3). P. 351-371.
16. *Levin M.* Bureaucracy and the Stalinist State // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. P. 53-74.
17. *Lianjie M., Lianjie M., Chung J., Thorson S.* E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22. P. 20-37.
18. *Liou K.T.* E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31 (1). P. 76-95.
19. *Lisheng D., Lisheng D., Christensen T., Painter M.* A Case Study of China's Administrative Reform: The Importation of Super-Departmen // The American Review of Public Administration. 2010. Vol. 40, № 2. P. 170-178.

20. *Pye L.W.* The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1992. 288 p.
21. *Schwartz B.I.* The World of Thought in Ancient China. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1985. 490 p.
22. *Seifert J.W., Chung J.* Using E-Government to Reinforce Government Citizen Relationships: Comparing Government Reform in the United States and China // *Social Science Computer Review*. 2009. Vol. 27, № 1. P. 3-23.
23. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People [Elektronnyj resurs]. UN, 2012. 160 p. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (data obrashhenija: 25.06.2013).
24. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns in Meiji Japan. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2000. 268 p.
25. Wu J., Ma L., Yang Y. Innovation in the Chinese Public Sector: Typology and Distribution // *Public Administration*. 2012. P. 1-19.
26. *Yang Dali L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, CA : Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.
27. *Zhang M., Straussman J.* Chinese Administrative Reforms with British, American and Japanese Characteristics? // *Public Administration and Policy*. 2003. Vol. 12, № 2. P. 143-179.